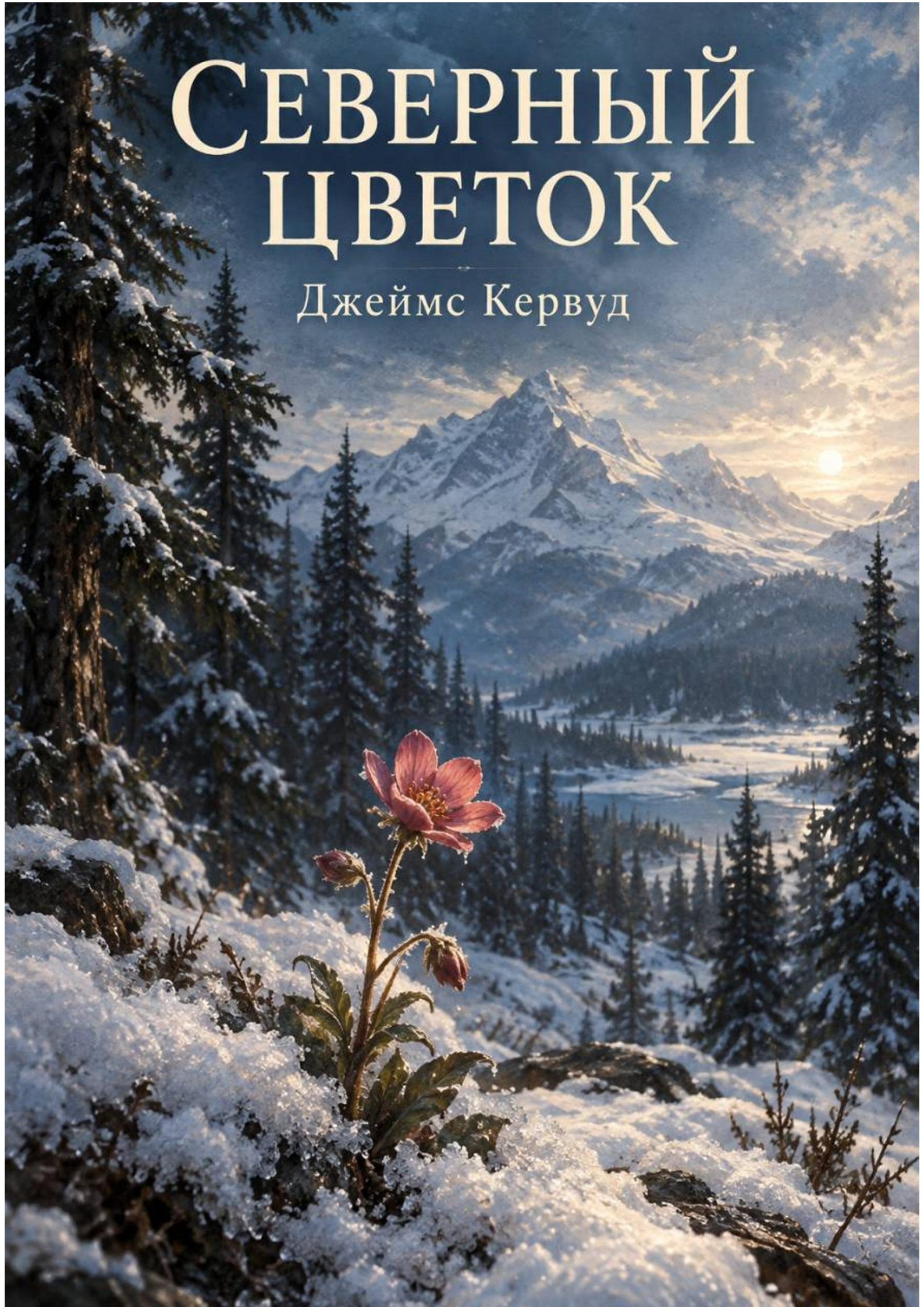

СЕВЕРНЫЙ ЦВЕТOK

Джеймс Кервуд

Джеймс Кервуд

Северный цветок

«Автор»

2026

Кервуд Д.

Северный цветок / Д. Кервуд — «Автор», 2026

В суровых землях канадского Севера, где зима не отпускает даже весной, разворачивается история любви и стойкости. Среди ледяных пустошей и бескрайних хвойных лесов один-единственный цветок пробивается сквозь снег — символ жизни там, где, казалось бы, ничто не способно выжить. Как и этот хрупкий росток, юная героиня романа находит в себе силы противостоять суровости дикого края, предательству и собственным страхам, чтобы обрести любовь и дом там, где не выживает почти ничего. Джеймс Кервуд снова переносит читателя в мир первозданной природы, где красота соседствует с опасностью, а человеческое сердце оказывается сильнее вечной мерзлоты.

© Кервуд Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	9
ГЛАВА III	13
ГЛАВА IV	17
ГЛАВА V	21
ГЛАВА VI	24
ГЛАВА VII	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джеймс Кервуд

Северный цветок

ГЛАВА I

Какие волосы! Какие глаза! Какой изумительный цвет кожи! Можете, Уайтмор, смеяться, сколько вашей душе угодно, но я готов поклясться, что подобную красавицу мои глаза видят впервые. Чисто артистическим энтузиазмом горело женственное лицо Грегсона, когда он смотрел на сидевшего по другую сторону стола Уайтмора. Он нервно закурил папиросу и продолжал:

— Я смотрел на нее очень долго и очень пристально, но она ответила мне только одним взглядом. И этот взгляд решил все. Я бессилён был бороться с ним, и вот... И вот, для «Burke's» готова обложка на всю страницу. Наш Бёрк любит давать на обложке женский портрет и на этот раз будет вполне удовлетворен. Но, черт вас побери совсем, чего ради вы усмехаетесь? В чем дело?

— Собственно говоря, ни в чем! — как бы извинился Уайтмор. — к данной красавице моя улыбка не имеет ни малейшего касательства. Но я удивляюсь и спрашиваю себя...

Он на миг замолчал и стал внимательно осматривать убранство маленькой хижины, освещенной простенькой масляной лампочкой, свисавшей с потолка.

Он издал мягкий, но выразительный свист и продолжал:

— Я спрашиваю себя, а заодно и вас, есть ли такое местечко на белом свете, где вы не разыскивали бы первойшей красавицы в мире? Нет, вы — удивительный человек! Если я не ошибаюсь, дорогой мой, последняя ваша красотка проживала в Рио Пьедрас, не правда ли, Том? Это была испанская девушка? Или креолка? Помнится, я сохранил ваше письмо, в котором вы упоминаете о ней. Если вы ничего не имеете против, то я завтра прочту вам отдельные выдержки из него. Но... в Пуэрто-Рико всегда было и будет огромное количество красивых женщин. А здесь-то! Какими судьбами вы нашли сокровище в... Пустыне? Вот что меня страшно интригует!

— Быть может, вы еще больше заинтересуетесь, если я доложу вам, что девушка, которую я отыскал здесь, заткнет за пояс всех тех, кого я знал до сих пор! — возразил художник, стряхивая пепел со своей папиросы.

— Даже девушку из Валенсии?

Легкая ирония и радость одновременно послышались в голосе Филиппа Уайтмора, когда он перегнулся через стол, и свет масляной лампы ярче прежнего озарил его красивое лицо, сделавшееся бронзовым от снега и ветра. Представлявший резкий контраст с ним, круглолицый, белокожий, женственный Грегсон ответил таким же движением, протянул изящную руку с длинными, тонкими пальцами и в двадцатый раз за вечер друзья обменялись крепким рукопожатием.

— Значит, вы не забыли еще Валенсии? — воскликнул художник, и лицо его расплылось в широчайшую улыбку. — Ах, Филь, славный друг мой, если бы вы только знали, до чего я рад, что снова вижу вас! Я и передать не могу. У меня и слов нужных нет! Можно подумать, что со времени нашей последней встречи прошло сто лет да еще с хвостиком. А ведь, в сущности говоря, только три года назад мы вернулись с вами из Южной Америки. Ах, Валенсия! Можно ли забыть ее? Никогда в жизни! Когда Бёрк с месяц назад остановил меня, выразительно поглядел в мои глаза и сказал: «Послушай, Том, твои последние работы определенно говорят о том, что ты нуждаешься в немедленном основательном отдыхе», я тотчас же подумал о Валенсии. Я так живо все вспомнил, с такой страшной радостью подумал о том времени,

когда мы затевали нечто вроде революции и определенно рисковали нашими скальпами, что в течение доброй недели я ходил сам не свой. Нет, того времени нам с вами никогда не забыть! Вас спасла собственная сила, а меня — красивая девушка!

— И личное мужество! — поправил Уайтмор, снова схватив его руку. — Стоит вспомнить старое для того, чтобы заявить, что вы, Грегги, один из самых мужественных людей, каких я когда-либо встречал! Это верно! Кстати, приходилось ли вам что-нибудь слышать о донне Изабелле?

— Она дважды появлялась на обложке «Burke's», первый раз в качестве «Богини Южных Республик», а затем как «Валенсианка». Она вышла замуж за одного проклятого плантатора из Карабобо и, насколько мне кажется, живет вполне счастливо.

— Но, насколько мне память не изменяет, — сказал Уайтмор полусерьезно, полунасмешливо, — там были еще какие-то женщины. Например, красавица из Рио! Вы клялись всем святым на свете, что разбогатеете, если только она согласится позировать вам. Мужу ее плевать было на ваше будущее богатство и, желая проучить вас, он хотел было угостить вас шестью дюймами лучшей стали. Пришлось вмешаться мне и объяснить этому Отелло, что вы слишком молоды, совершенно безвредны и что никакой пользы он не извлечет из того, что я, в свою очередь, угощу его...

— Вторым ударом! — радостно воскликнул Грегсон. — Первый удар был необыкновенно удачен! Вы ему здорово всыпали! Я, как теперь, вижу этот нож, занесенный надо мной. Я приготовился было читать «патер ностер», как вдруг нож вместе со своим владельцем словно сквозь землю провалился. Этот дурак вполне заслужил такое наказание! Ведь я ничего дурного и непристойного не сказал его жене. На лучшем моем испанском языке я предложил ей позировать мне, — что тут обидного? Она была так прекрасна, что во мне немедленно заговорил инстинкт художника, — ну, и вот...

— Конечно, конечно! — тотчас же согласился Уайтмор. — Насколько я припоминаю, она тоже была красавицей, «подобной которой дотоле не видели ваши глаза!». Но, помимо нее, там были еще «первые красавицы», причем каждая последующая неизменно оказывалась красивее предыдущей! Забавный вы человек, — вот что я могу сказать!

— Да, не скрываю, что только женщины украшают мою жизнь и придают ей прелесть! — серьезнее, чем когда-либо ответил художник. — Это единственная «вещь» на свете, в которой я кое-что смыслю, и вот почему я смотрю на моего издателя как на сумасшедшего, когда он предлагает мне тему, в которой нет женщины! Я обожаю женщину и предпочитаю лучше умереть, чем не видеть в ней самого прекрасного, что может дать Природа! Таким я был всегда, таким и останусь до конца дней моих!

— И вы всегда способны видеть женщину в превосходной степени!

— Да, да, да! Иначе я не могу. Если у той или иной женщины есть какой-нибудь недостаток — как, например, у нашей донны Изабеллы, которая не может похвастать цветом лица! — то я стараюсь убедить себя, что ошибаюсь, и это помогает мне видеть женщину, как вы выражаетесь, в превосходной степени. Но все то, что я сейчас сказал, не имеет никакого отношения к девушке, которую я видел сегодня: она безупречна и совершенна! И теперь я горю одним желанием: узнать, кто она такая! И еще...

— ...И еще узнать, где я могу снова увидеть ее и согласится ли она позировать мне для «Burke's»! Я угадал, Грегги?

— Вполне и самым точным образом, Филь! — признался художник. — В этом отношении вы — замечательный человек: умеете иногда читать чужие мысли!

— И у Бёрка хватило наглости уверить вас в том, что вы нуждаетесь в немедленном и продолжительном отдыхе!

Грегсон предложил ему папиросу.

— Надо вам знать, что наш Бёрк — очень славный парень, всегда добродушный и отчасти поэтически настроенный, он питает органическую ненависть к паукам, змеям и небоскрегам. Он сказал мне: «Грегги, уезжай отсюда в какое-нибудь тихое, укромное местечко на лоне природы и постарайся на две-три-четыре недели позабыть про все на свете, кроме своих холстов и нескольких дюжин пива». Отдых! Лоно природы! Нет, Уайтмор, вы только подумайте: он предлагал мне такие смешные вещи в то самое время, как я мечтал о Валенсии, донне Изабелле и тех изумительных местах, где природа так буйна, точно все время только и делает, что пьет шампанское! Ах, милый мой, если бы вы только знали, как вовремя пришло ваше письмо!

— А ведь в этом письме я почти ничего не сказал вам! — воскликнул Филипп, поднявшись с места и начав беспокойно ходить взад и вперед по маленькой хижинке. — Я обещал вам дать все, что так необходимо вашему художническому темпераменту, требовал, чтобы вы при первой возможности приехали сюда, ко мне. Хотите знать, почему я все это сделал? По той простой причине...

Он резко повернулся на месте и поглядел через стол на приятеля.

— ...По той причине, что случилось нечто из ряда вон выходящее, по сравнению с чем события в Валенсии и в Рио — сущие пустяки, о которых и говорить не стоит! Мне необходима ваша помощь! Вы поняли, что я говорю вам? Я начал крупную игру и никогда в жизни не нуждался так в верном друге и помощнике, как сейчас, в данную минуту. Вот почему я написал вам и пригласил вас сюда!

Грегсон отодвинул свой стул и поднялся с места. Он был на целую голову ниже Уайтмора и по внешнему виду гораздо слабее, нежнее его, но было какое-то особое выражение в его холодных голубовато-серых глазах и необычная характерная твердость в линиях подбородка. Во всяком случае, человек, который глянул раз, немедленно устремлял на него вторичный взгляд и почти бессознательно менял свое первоначальное мнение о нем. Его тонкие пальцы, как стальные пружины, обвились вокруг руки Филиппа.

— Вот когда мы начинаем подходить к самой сути дела! — воскликнул он. — Я ждал этой минуты с нетерпением Иова или того маленького Бобби Теккета, который, вы его должны помнить, семь лет тому назад начал ухаживать за Минни Шелдон. Он женился на ней на следующий день после того, как я получил ваше письмо, которое, кстати сказать, сильно озадачило меня. Я старался читать между строк, ломал голову, строил тысячи догадок и дома и в пути — и все же ровно ничего не знаю. Но, так или иначе, вы позвали меня, и я приехал! В чем дело?

— В первую минуту, Грегги, мое дело может показаться вам смешным до глупости и даже больше! — ответил Филипп. — Прежде всего я хотел подхлестать ваши эстетические чувства и вкусы. Взгляните сюда!

С этими словами он схватил Грегсона за руку и подвел к двери.

Холодное северное небо от края до края горело алмазными звездами. Хижина стояла на вершине одного из тех открытых для всех ветров холмов, которые на крайнем севере величаются горами. Внешние брусья ее наполовину утопали в гниющих кучах листьев и сучьев, скопившихся в течение лета. Здесь царила безграничная Пустыня, — белая и светло-серая там, где звездный свет озарял верхушки сосен, и глубоко-черная внизу и вдали. Из недр ее доносился низкий, мрачный, монотонный рев морского прибоя, разбивающегося о берег.

Филипп, положив одну руку на плечо Грегсона, другой указывал на мрак, который окружал их со всех сторон.

— Мы с тобой находимся вовсе уж не так далеко от Ледовитого океана, — сказал он, перейдя на «ты». — Ты только погляди на тот зыбкий свет, который словно находится в нерешительности, не зная, что делать в ближайшую секунду: совсем ли погаснуть или же разгореться сильнее прежнего? Не напоминает ли тебе все вокруг ту самую ночь, когда мы удирали из Карабобо, когда донна Изабелла указывала нам верный путь, а луна, только выглянувшая из-за гор, выразила немое согласие быть нашим гидом? Но это не луна! Это начинается север-

ное сияние! При желании ты можешь услышать, как гремит залив, и даже почувствовать запах ледяных гор, которые имеют свой специфический аромат, не всем доступный. На расстоянии ружейного выстрела от нас находится порт Черчилл, который сейчас покоится в мирном сне. Тут ты можешь найти только пост Гудзоновой Компании, индейские поселки и трапперов, которые служат своего рода посредниками между этой глушью и цивилизацией, находящейся на расстоянии по меньшей мере четырехсот миль отсюда. Ты чувствуешь и понимаешь красоту окружающего, и все это должно оказывать на тебя могучее действие. Я не ошибаюсь?

— Нет, ты не ошибаешься! — согласился Грегсон. — Ну, а дальше что?

— Я постепенно и без ненужной торопливости подхожу к самой сути моего разговора. Я хочу, Грегги, толком разъяснить тебе, что именно заставило меня вызвать тебя сюда. Я обдумываю каждое слово и, правду сказать, все еще полон нерешительности. Если принять во внимание твое чисто философское восприятие красоты, то просто жестоко — отвлекать твои мысли от этого мрака, от таинственной дали, от донны Изабеллы и прочих прекрасных женщин — к рыбной ловле!

— К рыбам?!

— Да, к рыбам!

Грегсон зажег новую папиросу и поднял спичку так, что ее слабый, тоненький огонек осветил на момент лицо его друга.

— Послушай, милый друг! — разразился он, — ведь не для рыбной же ловли ты пригласил меня сюда!

— И да, и нет! — ответил тот. — Но, если бы даже и так, то...

Он снова схватил Грегсона за руку и так сильно сжал его пальцы, что тот ни на минуту не усомнился в серьезности его дальнейших слов.

— Не можешь ли ты припомнить, кто или что явилось причиной краха революции в Гондурасе спустя две недели после того, как мы скинули Пуерто Барриоса! Если не ошибаюсь, всему виной была девушка — верно?

— Да, девушка! И я не скажу даже, что она была очень красива!

— Правильно! — продолжал Филипп. — Постарайся припомнить обстановку. Место действия — пальмовая площадь в Сейба. Президент Белиз пьет вино со своей кухней, невестой генерала О'Келли Бонилла, полуирландца, полулатиноамериканца, который, как тебе известно, был главнокомандующим всех войск и самым закадычным другом президента. Воспользовавшись моментом, когда на площади никого не было, Белиз решил сорвать поцелуй с девственных губок своей кухни. Но в самый критический момент, никем незамеченный, подошел О'Келли и застал своего приятеля на месте преступления. С этого самого мгновения великая дружба превратилась в столь же великую ненависть и ревность. За какие-нибудь три недели генерал произвел переворот, вызвал революцию, разбил правительственные войска в Сейба, выгнал Белиза из столицы, заручился содействием Никарагуа и выпустил на сцену три французских, два германских и два американских военных судна. Через шесть недель после неосторожного президентского поцелуя О'Келли, *de facto*, сделался правителем Республики. Итак, милый Грегги, ты сам видишь, какие последствия вызвал один, и притом неудачный, поцелуй! Так вот что я хочу сказать тебе: если поцелуй явился причиной революции, отставки президента и краха правительственного строя, то какие же великие возможности таит в себе рыба?

— Рыба, ты говоришь?! — неторопливо произнес Грегсон. — Ты начинаешь определенно интриговать меня. Пожалуй, я готов допустить вместе с тобой, что в рыбе таятся великие возможности. Продолжай, я слушаю!

ГЛАВА II

В течение одной-двух минут друзья хранили абсолютное молчание и прислушивались к злобному реву прибоя, который слышался по другую сторону черного, насупившегося леса.

Затем Филипп повернулся и снова вошел в хижину. Грегсон немедленно последовал за ним. При свете масляной лампы, по-прежнему свисавшей с потолка, он заметил в лице Уайтмора нечто такое, на что раньше не обратил внимания: беспокойный блеск в глазах, крайнюю напряженность мускулов рта и более острую линию челюстей.

Они не виделись почти два года, и радость в первые минуты встречи была так велика, что скрыла от Грегсона то тревожное выражение, которое он теперь ясно читал на лице Уайтмора. К тому же его друг все время держал себя так легко и непринужденно, что окончательно ввел его в обман. И вдруг, на один только миг пред его мысленным взором пронесся портрет, который он когда-то рисовал с Уайтмора. Это было давно, но друзья были уверены, что воспоминания об этом времени никогда не изгладятся из их памяти. Грегсон вспомнил прежнего, холодного упрямого и уверенного Уайтмора, который всегда смеялся в лицо опасности, шутя одолевая всевозможные препятствия и неизменно был готов к бою — с оружием в руках и добродушной улыбкой на устах. Свой портрет художник делал для журнала Бёрка, где он и появился на обложке с надписью «Борец». Сам Бёрк отнесся с большим недоверием к улыбке Уайтмора, но Грегсон знал этого человека. Это был настоящий Уайтмор!

Но теперь он видел разительную перемену. Его приятель постарел, страшно постарел. Вокруг глаз собрались преждевременные морщинки. Лицо вытянулось, и Грегсон инстинктивно чувствовал, что кажущаяся непринужденность Уайтмора — лишь слабый отголосок прежней живости и что огонь и пыл временно погасли в том, на кого он теперь так пристально глядел. За два года, — думал он про себя, — что-то случилось. Что именно, он не мог еще понять, но не сомневался уже, что тут таилась причина столь долгого и упорного молчания Уайтмора, который почти два года ничего не давал знать о себе.

Они сидели теперь за столом, друг против друга. Филипп вынул из бокового кармана небольшую связку бумаг, из которых вытащил географический чертеж. Разгладив пальцами карту, он заявил следующее:

— Вот где, друг мой, таятся все те великие возможности, о которых я только что говорил тебе! Если я вызвал тебя сюда, то отнюдь не для завоевания воздуха или эксплуатации лунной энергии. Я пригласил тебя для борьбы и не обманул тебя. Но позволь теперь спросить тебя о следующем. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть крысу в ловушке, возле которой с налитыми кровью глазами замер жестокий терьер? Ты представляешь себе состояние крысы? Так, вот, допусти на минуту, что в западне находится не крыса, а человек...

— Я предполагал, что туда попала рыба! — мягко заметил Грегсон. — Боюсь только, что ты сейчас сунешь туда какую-нибудь красивую девушку... Нет?

— А если бы даже так? — воскликнул Уайтмор, не отрывая пылающего взора от приятеля. — Что бы ты сказал, если бы я увидел в этой самой западне девушку, женщину! И не одну, и не десять, и не сто, а неимоверное количество девушек? Что бы ты сказал тогда?

— Я сказал бы, что там собрался недурной букет!

— О, Грегги, позволь заверить тебя, что такого букета ты никогда в жизни не видел и не увидишь! Должен сказать тебе, что нам с тобой предстоит совершенно исключительная борьба. Весьма возможно, что в борьбе этой мы будем побеждены. Нас с тобой — только двое! А придется выдержать бой с такими силами, которые могут в полторы минуты произвести с полдюжины южноамериканских революций! Погляди сюда!

Повернув карту в сторону Грегсона, он стал водить по ней указательным пальцем:

— Ты видишь эту красную линию? Это — новая железнодорожная линия, которая ведет к Гудзонову заливу. В настоящее время работают около Ле-Пас, и строители надеются закончить дорогу к будущей весне. Надо тебе знать, Грегги, что это — самая замечательная железнодорожная ветвь на всем американском континенте, — замечательная, главным образом, в том отношении, что за нее так поздно взялись. Сотни миллионов человек спали на необозримых равнинах — и теперь проснулись. Эта дорога перережет четыреста миль самой дикой пустыни на свете, откроет доступ в страну, которая по размерам равна половине территории Соединенных Штатов и из которой в ближайшие пятьдесят лет будет вывезено больше минеральных богатств, чем с Юкона и Аляски за все время их эксплуатации. Она сократит путь от Монреаля, Дюлюста, Чикаго и всех городов Среднего Запада до Ливерпуля и других европейских портов на тысячу миль. Благодаря ей откроется новая морская линия от Гудзонова залива, на берегу которого появятся новые города и новые железоделательные и сталелитейные заводы. Так, почти незаметно, можно будет добраться до Полярного Круга, где имеется достаточно железа и угля для того, чтобы прокормить весь мир в течение нескольких сотен лет. Я рассказывал тебе, Грегги, только о незначительной доли того, что несет с собой новая железнодорожная ветвь. Ты помнишь, вероятно, что года два назад я сделал тебе предложение порыться в этих странах, но предложение мое носило полушутливый, случайный характер. Я тогда и думать не мог, что...

Он замолчал на мгновение, и улыбка прежних дней мелькнула на его лице.

— Я тогда и думать не мог, что судьба прикажет мне прочно осесть на земле, о которой я до последнего времени никогда серьезно не думал. Я самым тщательным образом исследовал местность, по которой в недалеком будущем зазмеятся рельсы. Канада еще спит или же слишком занята своим собственным Западом. Нигде до сих пор я не встречал конкурентов, которые пожелали бы стать на моем пути. К западу от предполагаемой линии я работал совершенно один. На Востоке некоторые торгово-промышленные общества успели уже получить в полное свое распоряжение целые горы железа и непочатые угольные поля. Шесть месяцев я провел среди индейцев, местных французов и полукровок. Я жил с ними, охотился с ними, вел точно такой же образ жизни, как и они, и немного усвоил себе их язык. Такая жизнь вполне пришлась мне по вкусу, и в душе я превратился в самого настоящего северянина. Все клубы и балы, и города, и светская жизнь превратились в жалкие остатки воспоминаний. Ведь ты знаешь, что я никогда не питал особой симпатии ко всем этим глупостям, а теперь я возненавидел их еще пуще прежнего. И был счастлив — счастлив, как никогда! И тогда...

Он сложил свою карту и вытащил из связки бумаг географический чертеж, сделанный карандашом.

— И тогда, — начал он, снова расправляя карту, — тогда я нашел свою фортуна. Когда это случилось, я был так потрясен, точно получил сильнейший удар, неведомо как и от кого. Это случилось среди ночи. Я вдруг проснулся, присел на своей койке и увидел отблески костра, которые пробивались сквозь полотно моей палатки. В первую минуту у меня было такое впечатление, точно самая мощная золотоносная жила на свете встала со своего ложа и добровольно легла у моих ног: бери, мол! И тогда я подумал: «Откуда берется в наших странах такое невероятное количество глупцов и лентяев?» Взгляни теперь на эту карту, Грегги! Что ты видишь на ней?

Грегсон сидел и слушал, как зачарованный.

Обычно он хвастался тем, что ничто на свете не может поразить его и что он остается спокойным и бесстрастным при любых обстоятельствах. И эта внешняя индифферентность ко многим вещам и событиям была одним из самых крупных его недостатков. Но в настоящую минуту он и не думал скрывать свой напряженный интерес к тому, что говорил Уайтмор. Папироса, зажатая меж его пальцев, так и оставалась незажженной. Он ни на минуту не отрывал

взора от лица собеседника, причем видно было, что всего больше интересуется и волнует его то, что Филипп еще не успел высказать. Он посмотрел на карту и промолвил:

— Ничего особенного я не вижу на ней. Только озера и реки!

— Совершенно верно! — возразил Уайтмор и, неожиданно вскочив со стула, начал расхаживать взад и вперед по комнате. — Совершенно верно! Только озера и реки! Сотни озер и тысячи рек! Между нами и цивилизованным миром, на расстоянии сорока миль от новой железной дороги находится около трех тысяч озер и рек. И девять Десятых этих вод до того переполнены рыбами, что все медведи, проживающие в сих местах, насквозь пропахли рыбьим жиром. Белая рыба, Грегги, и форель! Эта водная поверхность, которая изображена на карте в твоих руках, втрое превышает поверхность всех пяти Великих Озер вместе взятых, и, тем не менее, и канадское правительство, и сами канадцы до сих пор не обратили своего благосклонного внимания на эти неизмеримые и неисчислимы богатства. Тут такое изобилие рыбы, что ее хватило бы для прокормления всего мира, и один крохотный край, который отмечен на карте красным карандашом, может дать энергичному человеку многомиллионное богатство. Вот такая мысль однажды посреди ночи овладела мной и подсказала мне следующее: "Что, если бы сделать заявку хотя бы на одно из этих озер и получить монопольные права на его богатства до проведения железной дороги.

— Ты стал бы миллионером! Ведь ты это хочешь сказать?

— Я не только это хочу сказать, — ответил Уайтмор, прекратив на миг свою неустанную беготню по маленькой комнате. — Во-первых, я думаю не только о деньгах. Во всяком случае, в ту ночь, когда ко мне в палатку пробивался свет костра, денежный вопрос занимал второстепенное место. Я думал, главным образом, о тех неиспользованных возможностях, которыми так богат север. Думал еще о том, какой страшный и могучий удар я могу нанести людям, которые наживают миллиарды на солке рыбы, и с радостью набрасывал предварительный план доставки неограниченных запасов рыбы в Нью-Йорк, Бостон и Чикаго по ценам вдвое меньше трестовских. Ты прекрасно понимаешь, что мной руководили не только филантропические соображения. Мне очень улыбалась перспектива отплатить полноценной монетой тем мерзавцам, которые разорили моего отца и которые продолжали безжалостно преследовать его, когда он скрылся в захолустье и находился при смерти. Это они убили его! Мало того, спустя пять лет они ограбили и меня лично, заставив возненавидеть жизнь.

После небольшой паузы он продолжал:

— Я решил немедленно приняться за дело и с этой целью, не теряя почти ни одного дня, уехал в Оттаву, затем в Торонто, а оттуда в Виннипег. После того я посетил Брокау, старого компаньона моего несчастного отца, и открыл ему секрет, причем сообщил все подробности дела. Я как-то говорил тебе про этого человека, одного из самых сильных и ловких дельцов Среднего Запада. И года не прошло со дня смерти моего отца, как он уже снова стал на ноги — и тверже, чем когда бы то ни было. Брокау привлек к участию в деле еще двух-трех человек, таких же энергичных, как он сам, и мы стали добиваться привилегии. С первого же момента началась самая настоящая, напряженная до крайности борьба. Едва только обнаружили наши планы, как уже возникли препятствия. Группа канадских капиталистов, организовавшись в могучий трест, стала добиваться тех же концессий, но старик Брокау прекрасно знал их игру. Под флагом мелких канадских пешек работали те же американские банкиры, которые пустили в ход все средства для того, чтобы задушить нас. Они кричали повсюду, что мы — пришлые, чужаки, что нам плевать на интересы местного населения, и что мы дочи́ста ограбим край. Они восстановили против нас две трети прессы и все-таки...

Лицо Уайтмора смягчилось. Он усмехнулся и, выколотив трубку, стал снова набивать ее.

— Мерзавцы хотели доконать Брокау точно так же, как они доконали моего отца. Но не тут-то было! Я не знаю, какие средства старик пустил в ход, — знаю только, что в кратчайший срок к нам присоединились три члена парламента и еще пять-шесть крупнейших политических

деятелей. Правда, эта комбинация стоила ему сто тысяч долларов. Но тут наши противники подняли неистовый крик, стали бить себя в грудь, взывать к чувствам патриотизма и грозить тем, что местное население восстанет, — и нам волей-неволей пришлось идти на известные уступки. Мы получили временную лицензию, причем правительство оставляло за собой право в любой момент отказаться от него, если бы ему не понравился наш образ действий. По правде сказать, меня этот удар нисколько не огорчил, потому что я заранее был уверен в полной корректности и честности нашего способа ведения дел. Я не сомневался также, что максимум через год симпатии всего населения будут на нашей стороне. Когда состоялось последнее совещание пайщиков, я с большим энтузиазмом выразил свою точку зрения, и тут же состоялось распределение ролей. Брокау и остальные пять членов должны были работать на юге. Что же касается меня, то я был командирован на север, где ровно через месяц и приступил к работе.

Он облокотился на плечо Грегсона и коснулся пальцем географической карты.

— С помощью Мак-Дугала, шотландского инженера, который был мне дан в качестве помощника, я организовал штаб-квартиру. Спустя шесть месяцев полтора человека работало на Слепом Индейском озере, пятьдесят лодочников занималось исключительно транспортом, и еще один большой отряд выполнял мои задания на территории в сто квадратных миль. Работа у всех спорилась так, что я сам часто удивлялся, до чего хорошо все налажено. На Слепом Индейском озере у нас имелась верфь, два пакгауза, несколько ледников, лавка и население человек в триста. Кроме того, спешно заканчивалась узкоколейка, которая должна была соединить нас с будущей магистралью, находившейся на расстоянии десяти миль. Я, что называется, с головой ушел в работу. Бывало так, что я позабывал обо всем на свете, даже про существование Брокау и других моих компаньонов. Большое внимание уделялось значительным денежным суммам, которые приходили в мой адрес. За сравнительно короткий срок я истратил около ста тысяч. К концу первого полугодия я решил съездить на юг и поближе познакомиться с положением дел на месте, и как раз в это время сгорел один из наших складов, в котором было тысяч на десять съестных припасов. Это была наша первая неудача — и притом очень крупная. Как только я обменялся рукопожатием с Брокау, я немедленно заговорил об этом.

У Филиппа было бледное и серьезное лицо. Он стоял посреди комнаты и пристально глядел на друга.

— И, можешь себе представить, Грегги, что этот человек ответил мне? — воскликнул он после коротенькой паузы. — Он с двадцать секунд смотрел на меня, затем странная усмешечка легла вокруг его губ, и он сказал мне самым спокойным тоном: «Послушай, Филипп, не стоит огорчаться из-за такой, в сущности, мелочи. Видишь ли... За эти полгода нам очистилось около миллиона!» Понял ты?

Грегсон подскочил на месте.

— Миллион! — закричал он. — Ты говоришь: миллион! Да это черт знает что такое!

— Да, дружок, миллион! — ответил Уайтмор со своей старой очаровательной улыбкой. — А на моем личном текущем счету в Первом Национальном банке имелось сто тысяч долларов! Как ты находишь: недурной сюрприз приготовил мне Брокау?

Грегсон от изумления уронил на пол папиросу. Его тонкие пальцы ухватились за край стола. Он не произнес больше ни слова; его выразительный взор достаточно ясно говорил, с каким нетерпением он ждет дальнейших слов Филиппа Уайтмора.

ГЛАВА III

В продолжение доброй минуты Филипп молча рассказывал по комнате. Наконец, он остановился и посмотрел на Грегсона, который, в свою очередь, не отрывал от него глаз.

— Целый миллион, Грегги! — произнес он совсем тихо. — И сто тысяч долларов в Первом Национальном банке на мое имя! В то время, как я находился на севере, старался ставить наше дело на прочную, солидную ногу, прилагая все усилия к тому, чтобы доказать правительству и народу, какие разумные меры мы принимаем для нормального и планомерного изъятия естественных богатств края, пока я детальнейшим образом разрабатывал схему борьбы с хищниками и бандитами, — мои друзья на юге не зевали и работали, что называется, вовсю. Я много успел сделать, но продолжал отчасти витать в облаках, а более положительные Брокау и остальные компаньоны тем временем организовали мощную «Great Northern Fish and Development Company», провели свой устав по всем правилам и успели скопить внушительный капитал, превышающий уже миллион долларов! Наше дело достигло максимального развития, когда я снова вернулся в мою штаб-квартиру. Я уполномочил Брокау действовать за меня, поступать по полному своему усмотрению — и через самое короткое время выяснил, что имею сомнительную честь состоять вице-председателем самой жульнической и бандитской компании на свете. Оказалось, что гораздо больше средств было потрачено на рекламу, чем на развитие самого дела. Сотни тысяч копий моих писем, полных самого неподдельного энтузиазма и раскрывающих все мои планы и проекты, распространялись по всей стране с целью привлечения мелких пайщиков. В одном из писем с севера я заявлял, что одна лишь часть озер и рек, нанесенных на моей карте, может дать свыше миллиона тонн рыбы в год. Брокау с компаньонами слегка передернули факты, внесли кое-какие поправки в мое письмо и распространили его в количестве двухсот тысяч экземпляров. В результате кампании, открытой ими, на наших промыслах появилось около пятнадцати тысяч человек, тысяча передвижных холодильников и огромное количество усовершенствований, а основной капитал предприятия повысился до пяти миллионов долларов. Я работал, исходя из торгово-промышленных соображений, и они оказались самыми обыкновенными и не совсем чистоплотными спекулянтами. Это шло в разрез со всеми моими намерениями; размах их спекулятивного гения испугал меня настолько, что я счел необходимым тотчас же объясниться с Брокау. Но он в ответ только пожал плечами, усмехнулся, заявил, что несколько не боится моих разоблачений, так как он принял все меры предосторожности, и придаться абсолютно не к чему. Во всех своих многочисленных объявлениях и рекламах они откровенно говорили, что пользуются временной лицензией, которая в любую минуту может быть отобрана правительством, как только обнаружится, что они недобросовестно и хищнически ведут дело. Но сама по себе эта откровенность была хитро придуманной приманкой. Удар был задуман и нанесен по всем правилам искусства, причем больше всех должны были пострадать мелкие держатели наших акций. Их было много тысяч. Акции были десятидолларовые и не облагались никакими налогами, что больше всего прельщало массу. Таким образом, оказалось, что беднота, ради которой я работал до седьмого пота, за которую я боролся с наглыми, подлыми трестами, попала в кабалу к еще более подлой и наглой компании, которая даже не считала нужным платить дивиденды. Ты понимаешь, что вся моральная ответственность падала на меня! Ведь проект-то задумал, разработал и в основе выполнил — я! Главным образом, мои восторженные письма с севера побуждали массу покупать наши бумаги. Ведь благодаря мне возникла эта самая жульническая компания на свете, и я состоял ее вице-председателем!

Филипп тяжело опустился на свой стул. Когда он повернул к Грегсону свое воспаленное лицо, тот увидел, что, несмотря на царивший в хижине холод, оно было покрыто испариной.

— Ты должен был бороться с ними! — воскликнул художник.

— Я так и сделал! Но ты понимаешь: все было подстроено так, что мне не за что было ухватиться. Не было такого места, на котором я мог бы прочно обосноваться и повести компанию против Брокау и иже с ним. Я очутился один против шестерых настоящих Бисмарков, самых продувных бестий в мире. Они ни в чем не преступили законоположений. Все было сделано честь-честью. Когда я с яростью накинулся на Брокау, он спокойно усмехнулся и сказал: «Какой ты смешной, Филипп! Как ты не понимаешь, что уж сама по себе привилегия наша стоит больше миллиона, и поэтому мы имели полное право выпустить акций больше, чем на миллион с четвертью. Никакого жульничества тут нет. Так работают все акционерные компании».

Он замолчал на секунду и продолжал:

— Мне оставалось одно: отказаться от находящихся на моем текущем счету денег и публично заявить, что По принципиальным соображениям я выхожу из состава общества. Я уже готов был сделать это, как вдруг понял, что это будет не остроумно и общего положения дел не улучшит. Мне показалось, что я смогу добиться осуществления своих планов другим, более разумным и осторожным путем. Правда, наше дело началось под черным флагом, поднятым самыми настоящими пиратами, грабящими чуть ли не с разрешения и благословения закона. Но еще не поздно! Если принять решительные меры, то, быть может, удастся еще выровнять основную линию. Брокау и остальные компаньоны были удивлены моей позицией. По их мнению это было равносильно тому, чтобы дать созреть прекрасной, полносочной сливе, а затем бросить ее в огонь. Брокау не хотел ссориться, и первый опомнился. Мы как-то сошлись с ним, побеседовали самым приятельским образом, и мне удалось убедить его в полной правоте и основательности моих мнений. Наша компания преуспевала, но будущее было чревато большими неприятностями и осложнениями. К моему великому изумлению, он всецело — и с большим энтузиазмом! — присоединился к моему мнению. Мы разработали план, сводящийся к тому, что компания начнет выплачивать дивиденд в пятьдесят центов на каждую акцию, выпущенную в продолжение последних двух лет. По-моему, мы таким образом могли вознаградить людей, которых все время безнаказанно грабили. Брокау со свойственной ему энергией взялся за дело. Один из директоров, который в то время находился в Европе, передал ему свой голос. К нам присоединились еще два члена правления. В конце концов было решено, что мы должны всю свободную наличность, находящуюся в банке и достигающую суммы в шестьсот тысяч долларов, а также деньги, имеющиеся в обороте, всецело бросить на развитие дела. Брокау внес предложение выкупить часть акций, находящихся в портфеле самых крупных держателей. На это предложение отозвались два крупных спекулянта из Торонто, которые продали свои пакеты и за внесенные два года тому назад сто тысяч получили теперь около полумиллиона! Как тебе нравится, Грегги? Нет, ты подумай только, в какое положение я попал! Я хотел нанести страшный, ошеломляющий удар всем акулам вместе взятым, а в результате оказалось, что я только помог им и дал возможность упятерить капитал! Какой ужас! Я явно содействовал грабежу, пиратству...

Он остановился и так сильно сжал руки, что голубые жилы на его руках вздулись, как бечевки.

— И все-таки! — воскликнул он.

— И все-таки? — с волнением произнес Грегсон.

Руки Филиппа разжались.

— Все-таки, несмотря на всю важность этого дела, я не вызывал бы тебя сюда только из-за него! — заявил Уайтмор. — Я распространялся так подробно обо всем с единственной целью — дать тебе понять создавшееся положение с начала до конца. Я сейчас закончу. Расставшись с Брокау, я снова уехал на север. В моем распоряжении были все необходимые средства для того, чтобы подвести честный фундамент под деятельность «Great Northern Company». Я нанял еще двести рыбаков, поставил еще двадцать дополнительных постов,

построил дополнительную дамбу на Слепом Индейском озере и приступил к прокладке параллельной узкоколейки. У нас работало уже тридцать лошадей и двадцать собачьих запряжек, которые соединяли Ле-Пас с Пустыней. Казалось, все препятствия на нашем пути сняты, — и вот почему я загорелся прежним энтузиазмом, прежней горячностью. И вот тогда Брокау снова подложил под меня мину.

Он опять сделал небольшую паузу.

— Тотчас же вслед за моим отъездом Брокау написал мне письмо. Судя по некоторым данным, видно было, что он писал его в несколько приемов. В этом письме он уведомлял меня, что открыл заговор против нас и что заговор этот назревает в том самом месте, где сосредоточены наши главные работы. Ясно было, что письмо стоило Брокау больших усилий. Его снова стали преследовать какие-то тайные страхи, на которые он неоднократно намекал мне. По его словам выходило, что какая-то шайка влиятельных банкиров и трестовиков решила атаковать нас из-за угла и окончательно уничтожить. Главные силы были двинуты к нам на север, и им было поручено во что бы то ни стало восстановить против нас коренное население, вызвать всеми мерами беспорядки и недовольство и тем самым вынудить правительство отобрать выданную лицензию. Ведь, в конце концов, только от населения и зависело оставить нас в стране или прогнать. Правительство считалось бы только с волей народа и немедленно вняло бы его голосу.

— Правду сказать, — продолжал рассказчик, — письмо Брокау не произвело на меня особенно большого впечатления. Я был более или менее знаком с туземцами, знал этих индейцев, местных французов и других белых, и был уверен, что подкуп так же неведом им, как Брокау неведомы угрызения совести. Я любил этот народ. Я верил ему и знал, что он обладает чувством чести, о котором не имеют понятия люди, проживающие в городах, где на каждом углу стоит церковь и где слово божье проповедуется днем и ночью на открытых площадях. Я был полон негодования, когда отвечал Брокау и уверял его, что наши «дикари» неспособны за рюмку виски и несколько жалких монет продать свою совесть и пойти на преступление. И тогда...

Он вытер вспотевшее лицо. Складки вокруг рта стали еще глубже.

— И тогда, милый Грегги, случилось следующее. Ровно две недели спустя после получения письма от Брокау сгорели два пакгауза на Слепом Индейском озере. Пакгаузы находились на расстоянии трехсот ярдов один от другого. Никто из нас ни минуты не сомневался в том, что мы имеем дело с поджогом.

Он замолчал, словно поджидая, что Грегсон задаст ему какой-нибудь вопрос, но тот упорно и сосредоточенно молчал.

— Но это было только начало. Три месяца назад! С тех пор какие-то неведомые, таинственные силы поджидали и били нас на каждом шагу. Спустя неделю после первого пожара сгорели драга и маленькая верфь для починки лодок. Эта верфь, построенная близ устья Грей-Ривер, стоила нам очень много денег. Еще через некоторое время «преждевременно» взорвался динамит. Этот взрыв обошелся нам в десять тысяч долларов и в двухнедельную работу пятидесяти человек. Через неделю была размыта дамба на протяжении трех миль. Несчастье следовало за несчастьем. Мы не знали, где скрываются наши враги, и кто они такие. Ясно было одно, — что они детально знакомы с нашими планами и секретами и стараются атаковать нас во всех незащищенных местах. Всего хуже было следующее: несмотря на все мои старания скрыть от посторонних наши грандиозные убытки и такие же страхи, молва о них распространилась на сотни миль в окружности и достигла даже Черчилла. Слухи клонились к тому, что местное население крайне недовольно нами и решило во что бы то ни стало очистить страну от нежелательного пришлого элемента. Две трети моего персонала верили этому. Верил этому и мой помощник, инженер Мак-Дугал, Мало-помалу начались волнения и подозрения среди моих рабочих — индейцев, французов, полукровок... И они росли с каждым днем, с каждым

часом. В результате можно было ждать двух вещей: с одной стороны полного нашего разорения, с другой — такого же полного триумфа врагов, которые вели столь бесчестную кампанию. Я понимал, что если так будет продолжаться еще месяц или даже меньше того, то вся страна от Черчилла до Барренов будет залита кровью. Если случится то, чего можно было ждать, то пропадут все труды по постройке государственной железной дороги к Гудзонову заливу. И всем этим мы обязаны...

Несмотря на всю важность того, что он говорил, лицо Филиппа было холодно, бледно и почти бесстрастно. Он вдруг вынул из кармана большое, написанное на пишущей машинке, письмо и протянул его Грегсону.

— Вот из этого письма ты сам прекрасно поймешь, кому мы обязаны всем, — объяснил он. — Это письмо расскажет тебе все то, чего я еще не успел сказать. Каким-то чудом это письмо попало ко мне, и пока я не ознакомился с его содержанием, я ничего не знал, ничего не понимал и бродил, как в потемках. Оно исходило из штаб-квартиры наших врагов и было адресовано человеку, который, очевидно, руководит всем заговором.

Он ждал, тяжело дыша, пока Грегсон, склонившись над письмом, пробежал глазами его содержание. Он обратил внимание на то, как дрожали пальцы художника, когда тот перевернул лист бумаги и начал читать вторую страницу. Он, не отрываясь, следил за выражением лица друга, за тем, как менялись краски на этом лице, и как он весь сжался, когда дошел до конца.

Грегсон поднял на него недоумевающие глаза.

— Великий боже! — закричал он.

С полминуты приятели глядели друг на друга и ничего не говорили.

ГЛАВА IV

Филипп первый нарушил молчание.

— Ну, а теперь ты понимаешь, в чем дело? — спросил он.

— Но это невозможно! — воскликнул Грегсон. — Я не могу поверить! Это... это могло бы случиться тысячу, две тысячи лет тому назад, но не сейчас, не в наше время. Господи, господи! — вскричал он с еще большим возбуждением. — Ведь не станешь же ты уверять меня, что ты сам веришь во все то, что здесь написано!

— Ты ошибаешься, Грегги! — ответил Уайтмор. — Я лично верю всему!

— Но пойми же, что это невозможно! — снова воскликнул Грегсон, комкая письмо. — В таком случае ни один человек не может существовать на свете, ни одна комбинация не может благополучно разрешиться; тогда вообще вся наша жизнь никуда не годится и может провалиться ко всем чертям в преисподнюю!

Уайтмор угрюмо усмехнулся.

— И человек может жить, и любая комбинация может осуществиться! — тихо сказал он. — Грегги, дорогой друг мой, я знал великое множество людей и такое же множество всяческих организаций, которые тратили десятки и сотни миллионов, ставили на карту собственную честь и правду, приносили в жертву тысячи мужчин, женщин и детей только для того, чтобы добиться осуществления своих финансовых затей. Я знал также людей и организации, которые преступали все человеческие и божеские законы в неустанных стремлениях добиться власти, могущества и денег. И не менее меня в этих делах сведущ ты! Мало того: ты работал и встречался с такими людьми. Ты смеялся и подолгу беседовал с ними, курил с ними и часто сиживал за их пиршественным столом. Вот, к примеру, ты провел целую неделю в летней резиденции Силдена. А ведь не кто иной, как Силден, в течение трех лет скупал повсюду зерно и, в конце концов, страшно взвинтил цены на хлеб. Именно Силден вызвал хлебные бунты в Нью-Йорке, Чикаго и множестве других городов. Это он раскрыл настежь ворота тюрем и острогов, куда потекли тысячи людей, из нужды начавших красть, грабить и даже убивать! И Силден — только один из многих, которые терпеливо ждут своей фортуны и не обращают ни малейшего внимания на тех, кто падает под тяжким игом их капитала. О, теперь времена не те, что были! Теперь век всемогущего доллара и великой, страшной борьбы за него! Прошла эпоха рыцарства и благородных методов войны. Люди Силдена совершенно не считаются с женщинами и детьми. Ведь доллар работницы так же кругл, как мой и твой, — так станут ли всякого рода мерзавцы заботиться о том, что они разоряют несчастных женщин.

Грегсон бросил на стол совершенно измятое и скомканное письмо.

— Интересно только выяснить следующее, — сказал он, глядя на страшно бледное лицо Филиппа. — Ясно, что этому письму предшествовало другое, так как это письмо представляет собой, так сказать, заключительный аккорд. Оно доказывает, что наши враги вполне успели в своих стремлениях восстановить против пришельцев местное население, которое они в буквальном смысле слова нашпиговали подозрениями. Последний удар они хотели нанести...

Он остановился. Филипп утвердительным кивком головы дал ответ на страшный вопрос, который он прочел в глазах своего друга.

— Грегги! — сказал он. — Надо тебе знать, что в этих местах до нынешнего времени сохранился закон, который стоит выше всех остальных законов. Я поясню тебе его следующим примером. Когда год тому назад я был на посту Принс-Альберта, мне пришлось как-то сидеть на веранде маленького и старенького Виндзор-отеля. Около меня поместилось человек десять дикарей-северян, которые на день-два приехали из самых отдаленных углов Пустыни. Большинство из них в течение целого года ничего, кроме своих лесов, не видели. Двое индейцев приехали из Барренов, — мне было известно, что вот уже пять лет, как они не видели ни малей-

ших проявлений цивилизованной жизни. Вдруг все мы почти одновременно увидели женщину, шедшую по улице и направлявшуюся к нашему отелю. Тотчас же я услышал среди моих собеседников подавленный шум голосов и тихое шарканье. Как только незнакомка поравнялась с нами, все индейцы поднялись с мест, сняли шапки и, низко поклонившись, стояли так до тех пор, пока женщина не прошла дальше. Только один человек остался на своем месте и не поклонился даме, — и этот единственный человек был твой покорный слуга! Вот в чем заключается самый важный закон этой страны, — преклонение пред женщиной, полное уважение к ее личности! Она — женщина, и этим сказано все! Мужчина может украсть, может убить, но этого закона он никогда не преступит. Если он украдет или же убьет, то местная полиция арестует его и доставит в суд, но если он оскорбит женщину, то его ждет совсем другое наказание, и это наказание определяет уже сам народ. Так вот письмо, которое ты только что прочел, и сводится к тому, чтобы был нарушен традиционный, самый священный закон, причем негодяи надеются на то, что вся тяжесть наказания падет опять же на нас. И если им удастся эта подлая затея, то я и сказать не могу, что тогда ждет нас.

Теперь уже Грегсон нервно вскочил с места, сделал несколько шагов назад и вперед по комнате, зажег папиросу и посмотрел на Филиппа.

— Только теперь я понимаю, до чего у вас дошло! — сказал он. — Если их замысел осуществится, местное население восстанет и сотрет вас с лица земли. Конечно, в первую голову пострадаете вы! Послушай! — вдруг резко воскликнул он. — Я не понимаю только одного! Почему тебе не передать этого дела в руки властей? Ты должен немедленно оповестить обо всем полицию или правительство! Черт возьми, должен же ты знать имя и фамилию человека, которому было адресовано это подлое письмо!

Филипп протянул ему большой белый с печатями конверт того типа, которым обычно пользуются для официальных донесений.

— Вот, пожалуйста! — ответил он. — Если тебе угодно, можешь узнать и имя, и фамилию этого господина. Прочти!

Грегсон издал тихий свист.

— Лорд Фитцхьюг Ли! — тихо прочел он, словно не доверяя собственным глазам. — Господи боже, да мы никак имеем дело с британским пэром!

Циничная усмешка Филиппа оборвала его дальнейшую речь.

— Очень может быть, что он — пэр! — заявил Уайтмор, — но надо тебе знать, что самые знаменитые английские лорды тут совершенно неизвестны, и ими абсолютно никто не интересуется. Для местного населения аристократ — это пустой звук, И слава богу! Я не сомневаюсь, что ни один туземец никогда в жизни не слышал этого имени, и вот почему не имеет никакого смысла обращаться к содействию полиции или правительства. Власть отнесется с! большим недоверием к нашим словам и к тому, на что мы сошлемся, а это письмо будет иметь такой же вес, как и перо, которым оно написано, если в наших руках не окажется более вещественных доказательств заговора. К тому же, у нас нет достаточно времени для того, чтобы обращаться к правительству. Это — слишком долгая канитель. Что же до полиции, то на нашей территории только три участка, и эти участки обслуживают площадь в пятнадцать тысяч квадратных миль. Вот почему нам надо надеяться только на себя: лишь мы с тобой, Грегги, можем обнаружить этого таинственного лорда Фитцхьюга! Если нам удастся это, то...

— То? — спросил Грегсон.

— То нам удастся отстоять наши права и преимущества! Я рассказал тебе все, что знаю, так как понимаю, что ты — единственный человек, который может работать со мной и которому я могу вполне довериться. Вначале мне казалось, что я понимаю мотивы, которыми руководствовались наши подлые враги. Но теперь, должен признаться, мне не все ясно. Ведь, разрушая наше дело, они тем самым разрушают всякие дальнейшие дела и предприятия, которые возникнут на этой территории и которые постараются занять наше место. Вот почему...

— Надо думать, что ими руководят другие соображения! — уловил его мысль Грегсон, видя, что тот остановился в некоторой нерешительности.

— Совершенно верно! — воскликнул Филипп. — Мне очень хотелось бы, чтобы ты высказал свои соображения, и тогда мы сравним наши выводы. Лорд этот является основным ключом к разгадке. Для нас сейчас не так важно, кто орудует там, но мы должны признать несомненный факт, что здесь главное действующее лицо — английский аристократик! Мы должны считаться не с тем, кто писал, а с тем, кому писали! Очевидно, этого человека рассчитывали найти в Черчилле, потому что письмо именно туда и адресовано. Но, насколько мне удалось до сих пор выяснить, Фитцхьюг там никогда не был!

Грегсон стряхнул пепел с папиросы.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Я много дал бы за то, чтобы тут же на месте выяснить, кто такой в действительности этот самый лорд! Какой такой англичанин позволил себе втесаться в столь грязное дело!

— Ты начинаешь подходить к самой сути дела! — с более веселым выражением лица произнес Уайтмор. — Другими словами, ты задаешься тем же самым вопросом, который я лично в течение последних трех дней задавал себе по меньшей мере тысячу раз. Но пока что никакого ответа не нашел. Если бы это был какой-нибудь Том Броун или Билл Джонс, то мы прочли бы в письме только то, что в нем имеется, но имя «лорд Фитцхьюг» заставляет нас призадуматься и читать между строками. Каким образом, как ты выражаешься, сюда втесалась такая сволочь, как лорд?

Приятель в течение нескольких секунд пристально смотрели друг на друга.

— Я думаю... — начал Грегсон.

— Что ты думаешь?

— Я думаю, что за этим планом, который набросан в письме, скрывается нечто более важное, чем мы можем представить себе в первую минуту. Тут идет вопрос не только о том, чтобы поднять все население и заставить вас убраться отсюда под добру-здорову! Вашим врагам не так важно и то, чтобы правительство отобрало свое разрешение на право эксплуатации речных и озерных богатств. Тут таится что-то другое и посерьезнее!

— Я вполне согласен с тобой! — спокойно ответил Уайтмор.

— А есть ли у тебя какие-нибудь предложения соответствующего рода?

— Нет, пока никаких! Я знаю, что английский капитал чрезвычайно заинтересован в минеральных богатствах, находящихся к востоку от предполагаемой дороги. Но Черчилл тут не входит в расчет, так как все операции связаны с Торонто и Монреалем.

— Писал ли ты что-нибудь Брокау об этом письме?

— Ты — первый человек, с которым я поделился его содержанием! — ответил Филипп. — Да, я позабыл сказать, что Брокау должен в самом скором времени приехать на север. Пароходы Гудзоновой Компании, которые приходят на север дважды в год и иногда поднимаются до Галифакса, сейчас находятся уже в пути, и возможно, что на одном из них находится мой компаньон. Мы ждем пароход через семь-десять дней. И кстати, — тут Филипп на секунду остановился, глубоко засунул руки в карманы и с полуулыбкой поглядел на Грегсона, — кстати, могу сообщить тебе одну более приятную новость. Вместе со стариком едет его дочь, мисс Брокау, изумительно красивая девушка.

Грегсон так долго держал в пальцах спичку, что огонь коснулся его ногтей.

— Что за чепуху ты порешь! Правда, я слышал...

— Да, дорогой мой, я думаю, что ты слышал о ее красоте. Правда, Грегги, я не такой энтузиаст, как ты, но я должен вполне согласиться с тобой, что мисс Брокау очень и очень красива. Ты сам убедишься в том, что она — самая красивая женщина, которую когда-либо видели твои глаза, и ты, конечно, немедленно загорись желанием дать ее портрет на обложке

«Burke's». Понимаю твое удивление, а также вопрос, который замер на твоих устах: чего ради она приезжает сюда? Ведь так, я не ошибся?

Странное выражение засветилось в глазах Уайтмора, и Грегсон легко мог бы заметить его, если бы в эту минуту не поднялся с места, не подошел к двери и не выглянул наружу.

— Почему здесь звезды больше и ярче, чем где-либо на свете? — спросил он.

— Это объясняется чрезвычайно чистым воздухом, — ответил Филипп, пытаясь угадать, что происходит в мозгу его приятеля. — Местный воздух по сравнению с вашим похож на тонкое стекло, которое почистили от столетней грязи.

Грегсон тихо, продолжительно свистнул. Затем, не поворачиваясь, сказал:

— Мне очень интересно, Филь, знать, красивее ли она той девушки, которую я видел вчера вечером. На сколько голов она ее обгонит?

Филипп молчал. Грегсон повернулся к нему и с улыбкой произнес:

— Прости мне, дружище, мой жаргон. Я говорю о мисс Брокау как о лошади. Конечно, это глупо!

— Вообще говоря, я никогда не ставил на красоту той или иной девушки, — возразил Уайтмор, — но в данном случае я готов изменить себе и принять любое пари. Если твоя красавица окажется лучше мисс Брокау, то я куплю тебе самую лучшую и дорогую шляпу в Нью-Йорке.

— Идет! — воскликнул Грегсон. — Правду сказать, Филь, твой рассказ сильно взволновал меня, и я ничего не имею против перемены темы. Я слишком много слышал сегодня о делах, и поэтому разреши сейчас немного отдохнуть и, кстати, заняться эскизом, который надо закончить, пока еще память хранит очертания лица. Ты ничего не имеешь против?

— Абсолютно ничего! — сказал Филипп. — Я же тем временем подышу свежим воздухом. Хочу немного пройтись.

Он накиннул на плечи пальто и снял шапку с гвоздя на стене, Грегсон уселся под самой лампой и начал чинить карандаш. Филипп готов был уже выйти из хижины, как вдруг Грегсон вынул из кармана конверт и положил его на стол.

— Если случайно, во время прогулки, встретишь девушку, похожую на эту, — он указал на конверт, — кланяйся ей от моего имени и вообще шепни два-три теплых слова. Я набросал этот эскиз второпях, так что большого сходства тут нет.

Филипп улыбнулся, взяв в руки конверт.

— Самая красивая девуш... — начал он, но мигом замолчал, как только взглянул на обратную сторону конверта.

Он невольно вздрогнул и даже подался назад. Грегсон, подняв голову, заметил, что улыбка мигом сбежала с его уст и что на бронзовых щеках проступил яркий румянец. Уайтмор с полминуты глядел на эскиз, затем молча перевел взор на приятеля.

Теперь уже Грегсон многозначительно и вместе с тем невинно улыбался.

— Ну, так как же обстоит дело с нашим пари? — ехидно спросил он.

— Да, это очаровательная девушка! — пробормотал Филипп, положив конверт на стол и повернувшись к двери. — Ты, Грегги, не жди меня. Если я не скоро приду, ложись спать без меня.

Он слышал, как вслед ему Грегсон рассмеялся, и подумал, что сказал бы этот милый человек, узнай он, что на обороте конверта был набросан портрет мисс Айлин Брокау.

ГЛАВА V

Отойдя на дюжину шагов, Филипп остановился в тени большой сосны и решил вернуться в хижину. С того места, где он стоял, он видел Грегсона, склонившегося над столом и готового приступить к работе.

Уайтмор не скрывал от себя, что эскиз поразил его. Не отрицал и того, что он вызвал краску на его лице, но боялся, что Грегсон, по случайному совпадению обстоятельств, припишет весь эффект чему-нибудь, не имеющему ничего общего с правдой.

Мисс Брокау находилась на расстоянии тысячи миль или еще больше того. В настоящее время она проезжала Северную Атлантику, если пароход уже вышел из Галифакса. До сих пор ей никогда не приходилось бывать на севере. Мало того, Уайтмор знал, что Грегсон никогда не видел, да и не мог видеть эту девушку. Слышал он о ней только от него, Уайтмора, или же иногда читал о мисс Айлин Брокау в газетном отделе «В городе и свете».

Чем же объяснить ее портрет на обороте конверта?

Он сделал два-три шага по направлению к двери и круто остановился. Если он вернется, Грегсон засыплет его вопросами и вынудит признаться в том, что он предпочитал держать в секрете даже от своего самого интимного друга. В конце концов, это было случайное сходство, не больше, несмотря на то, что это сходство поразило и даже потрясло его. Ему стоило больших усилий не выдать своего волнения.

Он прислонился к большому камню, облокотился на густой зеленый куст и устремил свой взор в загадочные дали. Над его головой плавно колыхалось море сосновых крон. Из глубины листвы доносились голоса сов, изредка нарушавшие волшебное, сосредоточенное молчание ночи.

Чем больше он разбирался в своих мыслях, тем ярче вспоминал картины прошлого, прожитую жизнь... Стремительно развернулся свиток воспоминаний, и он увидел того Филиппа Уайтмора, который некогда жил и своевременно скончался. Вместе с призраками былого им снова овладело чувство одиночества, тяжести которого он не мог выдержать. Он вздрогнул, как человек, проснувшийся после кошмарного сна. Над черными соснами, в серых туманных далах, над горами и лесами его мысль поднялась так высоко, что он увидел тот период своей жизни, когда, казалось, она только-только начиналась. Одно время эта жизнь была прекрасна. Была полна надежд и прекрасных перспектив. Пред ним раскрывалось замечательное будущее, — и вдруг все резко изменилось.

Машинально он крепко сжал руки, когда вспомнил о том, что случилось, когда вспомнил о черных днях полного крушения надежд, о днях смерти и разочарования. Все его мечты и надежды потерпели жестокое крушение. Он боролся, ибо по природе своей был настоящим борцом, отважно поднимался после каждого падения, как бы глубоко оно ни было. Но результаты были все те же. Вначале он смеялся и говорил о «случайных неудачах». Но неудачи эти следовали с такой настойчивостью и неустанностью, что мало-помалу развили в нем новый взгляд на вещи.

Удары судьбы оказали свое разрушительное действие. Он начал смотреть на мужчин и женщин так, как никогда раньше не смотрел, и им все больше и сильнее овладевало отвращение к тому, что он узнавал и открывал. Новый взгляд на вещи настойчиво звал его прочь из этого мира, звал в Пустыню, прелесть которой он уже вкусил однажды, когда странствовал с тем же Грегсоном. Ему опротивел жалкий блеск ночных кутежей и бешеная, неустанная дневная погоня за долларом. Ни один человек не отдавал себе точного отчета в перемене, которая случилась с ним. Он не мог найти друга, вполне солидарного по мыслям и переживаниям. Он перестал понимать людей, а те, в свою очередь, не понимали его. Раз, все же, случилось, что он готов был поверить и сделать все для того, чтобы...

Глубокое дыхание — почти вздох! — сорвалось с его губ, когда он подумал о последней ночи, проведенной «в свете», на балу, данном в его честь Брокау. Он снова слышал шепот, смех многочисленной толпы и мягкий шелест юбок... Он помнит: вдруг все затихло, с минуту царило напряженнейшее молчание, а затем раздались мягчайшие, тихие звуки его любимого вальса. А он в это время стоял за рядом пальм и смотрел в ясные, серые глаза Айлин Брокау.

Он видел себя склонившимся над изумительно белыми, худенькими плечиками, пленившими и отравившими его своей красотой. Он хотел сказать что-то, но в то же время так боялся, что побледнел от волнения. А девушка несколько подалась назад, откинула головку невиданной красоты, почти касаясь своими золотистыми волосами его губ, и ждала его слов. Месяцы, целые месяцы он боролся с этим наваждением, с воспоминанием о ее красоте, но редко побеждал его... Как он ни старался, как ни отгонял соблазнительный образ, он все же видел эту девушку, чистую и светлую, как ангел, — видел и знал, что, подобно ему, насмерть ранены ею и другие мужчины. Она сама не скрывала этого и с беспечным смехом, с какой-то странной легкостью говорила о нанесенных ею ранах.

Он тихо усмехнулся про себя, совершенно отчетливо вспомнив, как в пальмовый уголок прошел глупый, бестолковый Рансом, который пытался любезничать с маленькой мисс Мисен. Рансом всегда говорил какие-нибудь глупости, но на сей раз его бестолковость спасла Уайтмора, у которого замерли на устах слова любви. Когда же Рансом и мисс Мисен, поболтав вдоволь, скрылись, Филипп уже не находил нужных слов любви, но открыто заявил красавице, что полюбил бы ее всем сердцем своим, если бы душа ее была бы так же прекрасна, как и глаза... Это была его последняя надежда и заключалась она в том, что мисс Брокау поймет его, уразумеет всю пустоту и бессодержательность своей жизни и вместе с ним начнет борьбу за лучшее будущее.

Но она насмеялась над ним!

Она поднялась с места, и на секунду ему показалось, что огненные стрелы мелькнули в ее глазах. Ее голос дрожал, когда она заговорила. Она досадливо повела плечиками, когда к ним донесся смех Рансома и его собеседницы. Дрожь ее губ явно говорила о раздражении, которое овладело всем ее существом. Она возненавидела Рансома за то, что в самую патетическую минуту он помешал ей одержать решительную победу. В то же время она злилась на Филиппа, который спасся от унижения.

Это было давно. Теперь он стоял в холодной мирной ночи и громко смеялся, вспоминая те минуты. Она сама себя выдала с головой, и это доставляло Филиппу огромное наслаждение. Рансом никогда не узнает, почему Филипп на прощанье так долго и благодарно пожимал его жирную руку.

Филипп медленно шел вдоль берега.

Город продолжал мирно спать, когда Уайтмор подошел к первому невысокому строению, которым открывался порт. На расстоянии нескольких шагов он увидел Довольно много новых построек, — рабочие домики, в которых ютились люди, сбежавшиеся сюда ради доллара со всех концов мира, — новые верфи, остовы элеваторов, угрюмые, глухие пакгаузы и несколько контор, где с утра до позднего вечера люди ссорились, дрались, сцеплялись в мертвой схватке, одержимые лишь одним желанием: добиться превосходства, набрать тем или иным путем как можно больше денег, сорвать наилучший куш... И в этом местечке, заброшенном на самый край света, уже началась отчаянная, бешеная борьба за доллар. Филипп видел следы этой бесчестной борьбы на каждом шагу, и ему стало бесконечно обидно за пионеров, которые двести лет тому назад пришли в эту страну и отдали все силы и всю жизнь только за то, чтобы впоследствии кучка наглых, беспринципных капиталистов осуществляла свои планы!

Повернувшись, он увидел свет в одном из небольших деревянных строений, в котором помещались конторы двух наиболее крупных фирм.

Этот свет и нечеткая тень старого Пирса, появившаяся в окне с поднятой шторой, натолкнула Филиппа на новую мысль. Он познакомился с Пирсом чуть ли не в первый день своего приезда сюда. Он ясно помнил свое впечатление от этого знакомства и теперь подумал: «Не есть ли Пирс тот самый загадочный лорд Фитцхьюг Ли?» Чем больше он думал, тем больше убеждался, что его предположение соответствует действительности.

И снова им овладела прежняя горечь. В конце концов, он сам был нисколько не лучше Пирса и даже того человека, которого они искали и который задумал такой возмутительный план! Его сделали таким судьба и люди! Он пришел в мир с иными целями, с другими желаниями, но жизнь перевернула в нем все вверх дном.

Вдруг он остановился. Ему показалось, /что где-то совсем близко прозвучал голос. Он вышел из лесной тени, пошел вперед и остановился возле серой скалы, которая выступала из моря и, словно ножом, разрезала Черчилл пополам. Дальнейший путь ему преградил довольно высокий песчаник. Он обогнул его, но тотчас же снова остановился и прижался к камню.

На расстоянии нескольких шагов, в сиянии луны, на вершине скалы сидели три фигуры, которые казались столь неподвижными, что в первую минуту их можно было принять за выступы той же скалы. Инстинктивно рука Филиппа потянулась к кобуре револьвера, но тотчас же отпрянула, как только он заметил женщину. Рядом с ней свернулся огромный волкодав, подле сидел мужчина. По его позе было ясно, что он — индеец. Он уперся локтями в колени, зарыл подбородок в ладонях и пристально глядел на залив, простиравшийся у подножия Черчилла.

Но Филипп остановился только благодаря женщине. Она тоже слегка подалась вперед и так же молча, как ее сосед, смотрела на воды залива. Она сидела с непокрытой головой, и волосы ее, упав на плечи, струились вдоль спины тяжелыми, сверкающими в лучах луны прядями. Филипп сразу определил, что эта женщина — не индианка.

Неожиданно девушка вздрогнула, вскочила с места, полуповернулась к Филиппу, причем ветер развеял во все стороны ее чудесные волосы, и устремила пытливый взор в серую даль за лесом. На один момент она повернулась так, что Филиппу почудилось, будто ее глаза нащупывают его, стараются вырвать из тени, отбрасываемой скалой, и проникнуть вглубь его собственных глаз. Никогда до сих пор он не видел среди туземцев такой безупречной красавицы. Именно о таких лицах он мечтал, когда его одолевала тоска и когда он подолгу сиживал за костром. Очень часто в такие минуты он думал о той же мисс Брокау и спрашивал себя: что было бы, как сложились бы их отношения, если бы Айлин постоянно жила здесь и была туземкой?

Он прижался еще плотнее к скале. Девушка вернулась на прежнее место, и снова лунный свет четко вырисовал ее стройные формы. Она наклонилась над собакой, и Филипп услышал ее мягкий, ласкающий голос, но не мог разобрать тех слов, что она произнесла. В тот же миг мужчина поднял голову, и Филипп сразу признал в нем полукровку-француза. Он хотел было удалиться так же тихо, как и пришел, но его остановил голос девушки.

— Значит, Пьер, это — Черчилл? — спросила она. — Тот самый Черчилл, куда приходят пароходы?

— Да, Жанна, это тот самый Черчилл, о котором я говорил тебе, — последовал ответ.

Снова наступило молчание, которое длилось около минуты. И вдруг с отчаянным надрывом в низком ясном голосе девушка произнесла несколько слов, которые потрясли Филиппа.

Она воскликнула:

— Я ненавижу его, Пьер! Ненавижу, ненавижу, ненавижу всей душой!

Филипп неожиданно для самого себя выступил вперед и сказал:

— Я тоже ненавижу его!

ГЛАВА VI

Едва он произнес это, как пожалел о своих словах. Он много дал бы за то, чтобы вернуть их обратно.

Девушка смотрела на него в упор, и он прочел в ее глазах нескрываемый страх. Гораздо энергичнее ее действовал полукровка, который в один миг вскочил на ноги, протянул руку к чему-то, что болталось на его животе, и весь подался вперед. В эту минуту он был похож на зверя, готового со стремительностью пружины ринуться в бой. Совсем близко, почти рядом, застыл волкодав, обнаживший страшные белые клыки. Девушка наклонилась над собакой и опустила руку на ее вздыбившуюся шерсть. В то же время она не отрывала глаз от Филиппа, который слышал, как она произнесла что-то, оставшееся ему непонятным. На миг все участники этой сцены стояли совершенно недвижно, почти не дыша. Единственное движение обнаживал клинок, который Филипп заметил в руках полукровки.

— Вы напрасно делаете это, мсье, — сказал он, указывая на оружие. — Мне ужасно неприятно, что я потревожил вас. Видите ли, иногда случается, что я прихожу сюда, чтобы покурить и послушать шум прибоя. Мне послышалось, что вы заявили о ненависти к Черчиллу, и отозвался, потому что я ненавижу его точно так же, как и вы. Вот почему я ответил, хотя никто ни о чем меня не спрашивал!

Он повернулся к девушке:

— Я страшно огорчен! Ради бога, простите!

Он взглянул на нее с новым выражением изумления в глазах. Высокая, стройная, она отбросила назад свои распущенные волосы. В глазах ее уже не было прежнего испуга. На ней было платье из нежнейшей желтой кожи, похожей на верблюжью. Ее горло было открыто. На плечах лежал широкий кружевной воротник. На одной руке, поднятой к груди, Филипп заметил широкий плюшевый манжет, какие носили лет двести назад. Ее губы полуоткрылись и обнаруживали два ряда белоснежных зубов. Грудь высоко поднималась и опускалась, и у Уайтмора почему-то создалось впечатление, что она слышала его слова, но ничего не поняла.

— Вы, мсье, просто поразили нас своим неожиданным появлением, вот и все, — почти спокойно произнес Пьер. Он в совершенстве владел английским языком. Закончив свою фразу, он отвесил низкий учтивый поклон.

— Вы должны меня простить! — продолжал он. — Я выразил вам такое недоверие! Прошу вас не сердиться!

Филипп протянул ему руку.

— Меня зовут Филипп Уайтмор! — сказал он. — Я остаюсь в Черчилле в ожидании ближайшего парохода. — Он помолчал и прибавил. — Я надеюсь, что вы разрешите мне занять место на скале рядом с вами.

На один момент рука Пьера очутилась в его руке. Полукровка снова отвесил поклон, столь любимый придворными старых времен. Филипп обратил при этом внимание на то, что на руках Пьера были такие же широкие, стильные манжеты, как и у девушки. Оказалось еще, что на перевязи у него болтался не нож, а коротенькая рапира.

— Я Пьер! Пьер Куше! — представился полукровка. — А это — моя сестра, Жанна. Мы не проживаем в Черчилле а явились сюда из Божьего Форта. Спокойной ночи, мсье!

Девушка сделала шаг назад и так низко поклонилась, что ее волосы перевесились через плечи. Она не произнесла ни слова; быстро вместе с Пьером прошла вперед и, пока Филипп молча смотрел на нее, скрылась из виду. Так же быстро ушел и ее брат.

Уайтмор еще долго смотрел в ту сторону, где исчезла загадочная парочка. Моментами ему казалось, что все происшедшее на его глазах — не больше как зрительная галлюцинация и что в действительности ничего подобного не случилось. Какой-нибудь час назад он стоял с

обнаженной головой на старинном черчиллском кладбище, а теперь столкнулся лицом к лицу с людьми, воскресшими из мертвых! Никогда до сих пор ему не приходилось видеть людей, похожих на Пьера и Жанну. Их странный наряд, рапира на поясе Пьера, отменно вежливые поклоны брата и низкие реверансы сестры — все это вместе взятое перенесло его в те далекие дни, которые изображали старинные картины в факторском доме в Черчилле.

Внимание Филиппа вдруг привлек какой-то предмет, лежавший на скале, близ того места, где только что стояла девушка. Через минуту он держал в руках маленький платочек и широкую ленту из тончайших кружев. Очевидно, Жанна впопыхах забыла эти вещи. Филипп готов был броситься вперед, криком привлечь внимание ушедших и заявить им о потере, но его остановил нежный запах гелиотропа. По ассоциации он вспомнил что-то, и пока разбирался в нахлынувших воспоминаниях, время прошло, и он понял, что его призыв напрасно прозвучит в ночном воздухе.

Тогда он пристальнее прежнего стал приглядываться к платку. Это была тончайшая и нежнейшая работа. Платочек был до того легок, что ладонь почти не ощущала его прикосновения. На несколько мгновений Филиппа заинтересовал вопрос: какое применение может иметь кружевная лента? Наконец, он решил, что девушка носила ее в виде повязки на голове.

Он легко и радостно рассмеялся, обвил палец кончиком кружева и направился в Черчилл. Он безостановочно прижимал к лицу носовой платочек и с упоением вдыхал его нежный аромат. Только теперь память раскрыла ему тайну, которая несколько минут мучила его. В атмосфере этого же запаха прошел памятный вечер в доме Брокау! Впервые этот аромат поразила его, когда он низко склонился над плечиками Айлин Брокау... Он вспомнил, что Айлин, по ее же собственным словам, обожала гелиотроп и неизменно носила этот пурпурный цветок на белоснежной шее или же в золоте своих волос.

На миг Филипп поразился тем количеством случайных эпизодов, которые за истекший день напоминали ему о девушке. Эта мысль заставила его Почему-то ускорить шаги. Он хотел как можно скорее снова взглянуть на эскиз, набросанный Грегсоном, и окончательно убедиться в ошибке.

Художник спал, когда Филипп вошел в хижину. Лампа почти догорала, пришлось выкрутить фитиль. Рисунок лежал на том же месте, на котором Грегсон оставил его.

Теперь у Филиппа не оставалось уже ни малейших сомнений: портрет принадлежал Айлин Брокау — и никому больше! Художник в шутку подписал под ним: «Супруга лорда Фитцхьюга».

Несмотря на всю свою явную абсурдность, эти слова потрясли его. Мыслимо ли, чтобы мисс Брокау каким-нибудь иным путем добралась до Черчилла? Очевидно, нет! Значит, надо допустить, что в этом глухом углу проживает другая девушка, изумительно похожая на нее!

Сделав два шага по направлению к спящему художнику, Филипп хотел разбудить его, но тотчас же понял, что тот ровно никакого объяснения не может ему дать. Он был уверен, что Грегсон сделал эскиз в тот же самый день, когда он увидел красавицу. Он снова взглянул на юмористическую подпись на эскизе и снова поразился эффекту, который она продолжала производить на него. Даже в собственном сознании он не мог точно определить это воздействие...

Он положил рисунок на стол и вынул из кармана платочек и кружевную ленту. При свете лампы он убедился в том, что эти предметы так же необычны и красочны, как и платья Жанны и Пьера. Несмотря на всю его неопытность в этих делах, вещи поразили его своим богатством. Такой художественной работы он еще не видел на своем веку. Кружево было цвета лучшей слоновой кости с легким желтоватым отливом. Платочек имел форму сердца, и в углу его едва заметными шелковыми буквами было вышито имя «Камилла».

В закрытой комнате аромат гелиотропа казался гораздо сильнее. Филипп машинально перевел взор с платочка на портрет Айлин Брокау. Несомненно, тут было необыкновенное совпадение, которое наводило на самые странные мысли. Он протянул руку к эскизу и пере-

вернул его на другую сторону, потом набил трубку, закурил ее и снова стал мысленно бродить между этой хижиной и одинокой скалой, на которой встретился с Жанной и Пьером. Он сидел в клубах дыма, полужакрыл глаза, и увидел девушку; она стояла перед ним, как живая. Он видел, как солнечные лучи капризно играли на ее головке, видел ее изумительные черные глаза, которые неотрывно глядели на него, и слышал рыдающие нотки в ее голосе, когда она всему свету заявила о своей ненависти к Черчиллу.

В эти минуты он позабыл о существовании на свете Айлин Брокау, забыл и про то, что сегодня встретился с Грегсоном и долго беседовал с ним. Все его планы, намерения, лихорадочно напряженные мысли о новой борьбе с врагами отошли назад и уступили место грезам о девушке, которая так странно, так загадочно вошла этой ночью в его жизнь. Ему вдруг почудилось, что он знал ее уже очень давно, что она всегда составляла самую главную часть его существа и что именно ее дух он искал с первых же дней своей юности, но до сих пор никак не мог найти. Он видел ее лишь несколько минут, но в этот коротенький промежуток свершилось чудо. Она вырвала из его сердца всю пустоту, все одиночество, населявшие его, и наполнила его новым, почти диким по своей силе желанием быть с ней, говорить с ней и плечом к плечу, как настоящий товарищ и друг, стать рядом с Пьером.

Вдруг его пальцы крепче прежнего стиснули платочек Жанны. Он повернулся и напряженно посмотрел на Грегсона. Тот, лицом к стене, продолжал крепко и безмятежно спать.

Не вернется ли Пьер к скале, чтобы подобрать забытые его сестрой вещи? При этой мысли у Филиппа бурно зыграла кровь. Он должен пойти туда и подождать Пьера! Но что будет, если Пьер не вернется до завтрашнего вечера?

С ясной улыбкой он придвинул к себе лист бумаги и начал чинить карандаш. Он писал несколько минут. Окончив письмо, он сложил бумагу и завязал ее в платочек Жанны. Что же касается кружевной ленты, которой девушка, вероятно, повязывала свои волосы, то он бережно сложил ее и положил в боковой карман. Он чувствовал, что на его лице вспыхнул румянец, когда он встал и тихо направился к двери. Что бы сказал Грегсон, если бы знал, что Филь Уайтмор, человек, которого он всегда идеализировал, называл «борцом» и считал совершенно неспособным на любовь к женщине, сделал такую вещь?

Он так же бесшумно закрыл за собой дверь, как и открыл ее. Он решил во что бы то ни стало отправить этим странным людям свое послание. Они должны знать, что он никоим образом не принадлежит к той части жителей Черчилла, которую они так ненавидят! Он хотел еще обязательно подчеркнуть, что в сердце своем давно порвал с тем, с кем был связан по крови и происхождению.

В письме своем он опять извинялся за неожиданное появление на скале, но это извинение служило лишь предлогом для того, чтобы хоть на несколько мгновений обнажить душу пред людьми, которых он еще не знал, но хотел узнать всей душой. Он спрашивал, можно ли надеяться на то, что их знакомство продлится и с течением времени превратится в дружбу.

Филипп сам отлично сознавал, что во всем, что он сейчас делал, было много подлинно мальчишеского, и тем не менее он спешил к скале с таким пылом, точно никогда до сих пор не переживал настоящих приключений. По мере приближения к месту назначения он все больше и больше боялся того, что Пьер не придет сегодня за забытыми вещами или же — что было бы еще хуже! — уже вернулся за ними и ушел! Последнее предположение так взволновало его, что он почти бегом понесся вперед. Вершина холма была пуста, когда он дошел до нее. Он взглянул на часы и убедился, что прошел целый час с момента ухода Пьера и Жанны с этого места.

На том месте, где, по его мнению, луна светила сильнее всего, он положил платок с письмом и тотчас же спустился на каменистую тропу, которая вела к заливу. Но едва только очутился на плотине, отделявшей его от Черчилла, как услышал позади себя длительный собачий вой. Это был волкодав, принадлежавший Жанне. Филипп догадался об этом по медленным,

горестным звукам, которые нарушили ночное безмолвие, а затем начали постепенно замирать, пока не растворились в шепотах леса и рокоте морского прибоя.

Пьер возвращался. Он шел, вероятно, лесом. Филипп допускал возможность, что вместе с ним была Жанна. В третий раз за эту ночь он спрятался в теневой части огромного камня, залитого лунным сиянием, и с волнением стал следить по тому направлению, откуда донесся печальный вой собаки. Затем повернулся в ту сторону, где должен был лежать оставленный им платок, и вздрогнул.

На скале ничего больше не было.

Платок исчез!

ГЛАВА VII

Филипп остановился в полной нерешительности. Он делал невероятные усилия для того, чтобы уловить малейший звук. Ведь и десяти минут не прошло с тех пор, как он оставил здесь носовой платок! Пьер не мог далеко уйти с ним. Очень может быть, что он скрылся где-нибудь поблизости.

Он очень тихо назвал его по имени:

— Пьер! Алло, Пьер Куше!

Никакого ответа не последовало на его призыв, и в ближайшую секунду он уже пожалел о том, что позвал полукровку. Вдоль всей дороги царил ничем и никем не нарушаемая тишина. Он едва дошел до конца порта, как снова услышал из глубины леса собачий вой. Он старался слухом определить то место, откуда раздавался этот звук, так как теперь уже не сомневался в том, что собака не сопровождала Пьера, а оставалась вместе с Жанной.

Когда Филипп вернулся домой, Грегсон уже встал и сидел на скамейке.

— Какого черта ты шлялся так долго? — спросил он. Где ты был все время? А я только было собрался искать тебя! Ты потерял что-нибудь? Или, может быть, тебя обокрали? А?

— Нет, друг мой, я был поглощен думами! — чистосердечно признался Филипп.

— Так я и думал! — закричал Грегсон. — Впрочем, я сам тоже занимался в это время размышлениями. Как только ты в первый раз вернулся, написал письмо и снова ушел...

— Но ведь ты спал! — закричал Филипп. — Я пристально глядел на тебя и видел, что ты спишь!

— Очень может быть, что в то время, как ты глядел на меня, я и спал, но во сне мне мерещилось, что ты, как злой дух, склонился над столом и пишешь что-то. Так или иначе, я думал кое о чем, и у меня вдруг возникло желание еще раз прочесть письмо лорда Фитцхьюга.

Филипп передал ему письмо. Он был почти уверен — судя по поведению Грегсона — что тот не заметил ни платочка, ни кружевной ленты.

Грегсон зевнул, неторопливым, почти ленивым жестом взял письмо и положил его под одеяло, которое свернул вдвое и подложил под голову вместо подушки.

— Ты ничего не имеешь против того, чтобы я держал его у себя несколько дней? — спросил он.

— Ничего не имею, но очень хотел бы знать, зачем оно понадобилось тебе!

— Я хочу... — протянул Грегсон, снова усаживаясь на скамье, — но, собственно говоря, я еще сам точно не знаю, что я хочу сделать с этим письмом. Одно я скажу тебе! Ты помнишь, мне однажды снилось, будто бы этот дурацкий плантатор из Карабобо хотел пырнуть тебя ножом? На следующий день так оно и случилось. Ну а теперь мне тоже приснилось кое-что забавное... Пока ничего тебе не скажу, но мне хочется поспать на этом письме. Очень может быть, что я буду спать на нем целую неделю, — не знаю! Ну-с, а теперь я предлагаю тебе тоже поспать немного. До утра еще далеко, и ты успеешь отдохнуть.

Через полчаса Филипп разделся, погасил свет, лег на свою койку, но никак не мог уснуть, так как он снова и заново переживал все приключения этой ночи. Он был уверен, что письмо теперь находится в руках Пьера и Жанны, но не знал, сочтут ли они нужным ответить на него. Он возлагал на это мало надежды, но все же испытывал большое моральное удовлетворение от того, что поступил именно так, а не иначе. Если они еще раз встретятся — а он нисколько не сомневался в том, что они встретятся! — то он не будет чужой им. Если даже они не появятся больше в Черчилле, то он доберется до их постоянного местопребывания.

Он поймал себя на том, что десять-двенадцать вопросов одновременно ворошатся в его голове, причем ни на один из них он не может ответить себе. Кто эта девушка, которая так величаво выплыла из мрака Пустыни? Кто — ее спутник, который кланяется, как вельможа

былых времен? Действительно ли они всегда обитали и обитают в лесу? А где находится Божий Форт? Он никогда до сих пор не слышал о таком форте. Существует ли он на самом деле? При воспоминании о странном и богатом наряде Жанны, об аромате, которым был пропитан ее носовой платок, и о той грации, с которой она попрощалась с ним, он подумал, что вряд ли в сердце убогой, грустной страны севера может существовать такой уголок. Пьер сказал, что они приехали из Божьего Форта. Но проживали ли они там постоянно?

Он, наконец, уснул в надежде на то, что ему удастся в самом недалеком будущем выяснить все интересующие его вопросы. Несомненно, в Черчилле должны были проживать люди, которые знали Пьера и Жанну. В крайнем случае, они должны знать, где находится этот самый Божий Форт.

Когда Филипп через несколько часов проснулся и соскочил с койки, то нашел Грегсона уже вполне одетым. Тот успел даже и завтрак приготовить.

— С тобой приятно водить компанию! — проворчал художник. — Пожалуйста, дорогой мой, не забудь в следующий раз, когда опять соберешься зевать на луну, захватить меня с собой. Ну, живо поворачивайся. Нырни в эту кадку с водой и давай кушать! Я помираю — хочу есть!

Филипп обратил внимание на то, что его приятель укрепил эскиз на одном из бревен, слегка выступающих из стены, почти над самым столом.

— Это ты хорошо сделал, Грегги! — сказал он. — Для вдохновения лучшего материала не найдешь. Я думаю, что твой Бёрк подскочит до самого потолка, когда ты пошлешь ему этот эскиз в красках.

— Никакого портрета в красках Бёрк не получит! — хладнокровно ответил художник, усаживаясь за стол. — Я не намерен продавать эту вещь!

— Что так?

Прежде чем ответить, Грегсон стал терпеливо ждать, пока Филипп, в свою очередь, сядет за стол.

— Послушай, друг мой, что я скажу тебе! — заявил он. — Я даю тебе полную возможность смеяться сколько твоей душеньке угодно! Но вот клянусь тебе всем святым на свете, что другой такой девушки ты нигде не найдешь! Я говорю, конечно, о той, которую я встретил позавчера! За такую девушку не жаль и жизнь отдать.

— Совершенно верно! — согласился Филипп. — Я тебя вполне понимаю!

Грегсон от удивления широко раскрыл рот и взглянул на приятеля.

— Ты что ж это, смеешься? — спросил он.

— У меня нет такой причины смеяться. Я говорю и повторяю, что вполне понимаю тебя. Я вполне согласен с твоим мнением.

Грегсон перевел взор с Филиппа на эскиз.

— Ты, Филь, судишь по этому наброску?

— Говорю тебе, что она очень красива.

— Но она больше, чем красива! — с горячностью заявил Грегсон. — Если я когда-либо видел ангельский лик, то это было позавчера! Я только на один миг встретился с ее взглядом и нашел, что ее глаза...

— Изумительны!

— Да!

— Я имею в виду, главным образом, их цвет! — сказал Филипп, приступая к еде.

— Они голубые или серые! Впервые в моей жизни случилось, что я смотрел в глаза и никак не мог определить их цвет. То же самое и относительно ее волос. Они — не того золотистого оттенка, который всегда наводит на мысль, что волосы крашенные. Их цвет почти не поддается точному определению. Можешь назвать меня хвастуном, лгуном или чем угодно,

но заявляю тебе самым решительным образом, что тотчас же после завтрака я отправляюсь искать эту девушку и выяснить, кто она такая.

— Ну, а как же обстоит дело с лордом Фитцхьюгом?

Легкая тень мелькнула по лицу художника. Некоторое время он хранил полное молчание, а затем сказал:

— Вот именно... После того, как ты вторично ушел отсюда, я все время думал о лорде Фитцхьюге и незнакомой девушке. Послушай, Филь, я ни на минутку не сомневаюсь в том, что она — не местная. Каждый дюйм в ней явно говорит об этом. И теперь нам остается одно: выяснить, кто она.

Филипп не желал продолжать разговор на эту тему. Через четверть часа молодые люди вышли из хижины, пересекли небольшую гряду холмов и вместе спустились в Черчилл. Грегсон направился в универсальную лавку, а Филипп зашел в помещение, занимаемое Пирсом.

Пирс работал за своей конторкой. Его жирные руки лежали на столе. Он поднял на вошедшего утомленные, опухшие глаза. Филипп знал, что он не спал всю ночь. Его маслянистое лицо загорелось некоторым оживлением и любопытством, когда он увидел неожиданного гостя.

Филипп вынул из кармана две сигары и занял место по другую сторону стола, напротив хозяина.

— У вас усталый вид, Пирс, — сказал он. — Очевидно, много работаете. Вчера, после полуночи, я случайно проходил мимо, видел свет в вашем окне и чуть-чуть не постучал. Но я понял, что вам не до посторонних людей, и поэтому отложил свой визит до сегодняшнего утра.

— Я страдаю бессонницей, — хрипло ответил Пирс. — Совершенно не сплю. Вы, вероятно, видели через окно, как я работал?

Некоторое беспокойство послышалось в его вопросе.

— Нет, кроме света, я ничего не видел, — беспечно ответил молодой человек. — Вот в чем дело, Пирс! Насколько мне известно, вы недурно знаете этот край!

— В ожидании этой проклятой железной дороги я работал здесь восемь лет в качестве проспектора, — ответил тот. — Думаю, что я, как вы выражаетесь, недурно знаю этот край.

И он сложил свои толстые, жирные пальцы.

— В таком случае вы можете сообщить мне, где находится Божий Форт?

— Какой форт?

— Божий Форт!

Пирс развел руками.

— В первый раз в жизни слышу о таком месте! — сказал он, наконец. — Понятия не имею о том, что это и где оно находится.

Он поднялся с кресла и подошел к большой географической карте, висевшей на стене. Он стал внимательно вглядываться в нее, а затем начал водить по ней ногтем указательного пальца.

— Вот последний поселок! — сказал он, стоя спиной к Филиппу. — Божьего Форта я все-таки не вижу. К югу от Дома Нельсона находится Божье озеро, а к северу от пятидесяти третьей параллели ничего божественного я больше не нахожу.

— Вы слишком высоко забрались! — заметил Уайтмор и поднялся с места.

Маленькие глазки Пирса, казалось, хотели пронзить его насквозь.

— Никогда не слышал о таком месте! — повторил он. — Что это за место? Почтовая станция?..

— Я столько же знаю о нем, сколько и вы! Собственно говоря, мной в данном случае руководит только любопытство, не больше. Очень может быть, что я не расслышал точного названия! Во всяком случае, я очень благодарен вам.

Он попрощался с Пирсом и пошел непосредственно в факторский участок. Но Блюдсо, главный фактор Гудзоновой Компании на крайнем севере, сказал ему не больше, чем Пирс. Он тоже ничего и никогда не слышал о Божьем Форте. Точно так же он никак не мог припомнить фамилию Куше, которую слышал как будто впервые. В продолжение ближайших двух часов Филипп беседовал с французами, индейцами и полукровками, расспрашивал почтальона, который утром прибыл с юга, но никто не мог удовлетворить его любопытства. Никто ничего не знал. Ни один человек не мог указать, где находится этот чертовский Божий Форт.

Неужели же Пьер солгал ему?

Его лицо покраснело от гнева при одной мысли о том, что его обманули. Но в следующий же момент он твердо заявил самому себе, что Пьер — не из тех людей, которые способны лгать. Филипп смотрел на него как на подлинного борца, но отнюдь не как на лгуна! К тому же он добровольно заявил, откуда они пришли. Никто не требовал от него этих сведений.

Он сознательно пошел таким путем, чтобы не встретиться с Грегсоном, полагая, что его друг занят тем же самым делом, что и он. Он позавтракал с фактором, а после того решительно направился к скале, где накануне встретился с загадочной парочкой. Хотя он и понимал, что никакого ответа на его письмо не может еще быть, он, тем не менее, самым тщательным образом осмотрел вершину скалы, где, конечно, ничего не нашел. Тогда он пошел лесом в том направлении, откуда ночью к нему донесся собачий вой.

Он искал довольно долго, далеко за полдень, но не обнаружил никаких следов человеческого пребывания. Он прошел несколько миль по главному тракту, который вел к северу от Черчилла, три раза пересек этот тракт, спускаясь к воде, выглядывая какой-нибудь дымок, желая услышать хоть самый малый шум, который мог бы ему дать указания для дальнейших поисков. Он посетил старого индейца, поселившегося в расселине большой скалы, но и этот старик ничего дельного не сообщил ему. Он не видел ни Пьера, ни Жанны и не слышал поблизости воя собаки.

Усталый и окончательно разочарованный, Филипп вернулся в Черчилл. Оттуда он направился в свою хижину, где Грегсон уже поджидал его. Странное выражение было на лице художника, когда он вопросительно взглянул на приятеля. Его безупречный внешний вид исчез. Глядя на него, можно было думать, что он провел несколько часов подряд в самой ужасной обстановке. Его лицо было испещрено морщинами усталости. Местами на нем запеклась грязь. Он стоял перед Филиппом, глубоко засунув руки в карманы.

— Взгляни на меня, Филь! — сказал он, — взгляни, только хорошенько и самым внимательным образом!

Филипп немедленно подчинился его требованию.

— Я сплю, или нет? — спросил Грегсон. — Похож я на нормального человека? Только говори правду!

Он повернулся и указал на эскиз, висящий на стене.

— Видел я эту девушку или не видел? — спросил он снова, не дожидаясь ответа. — Может быть, мне все это приснилось? А, Филь? Только, черт возьми, говори правду!

Он вертелся выюном вокруг Филиппа, причем лицо его снова загорелось возбуждением.

— Словом, я сегодня не нашел ее. Могу смело сказать, что я обыскал каждую трещину, каждый кустик в Черчилле и вокруг него. Я так долго охотился, что окончательно выбился из сил и вернулся домой дряблый и слабый, как выжатый лимон. И что хуже всего, я не встретил ни одного человека, который видел бы ее так близко, как я. Ее вообще никто не видел. Я помню ясно: в тот момент, как я увидел ее, на ее голове ничего не было, но мне кажется, что тяжелая вуаль свисала с ее плеч, и она поднимала ее, когда шла. И женщины с вуалью никто не заметил!

Он указал на эскиз.

— Ее никто не знает! Она исчезла, точно явилась сюда на аэроплане и немедля улетела! Она исчезла, если только...

— Если только... что?

— Если только она не скрывается здесь, в Черчилле! Повторяю: либо она исчезла, либо скрывается. Ничего другого быть не может!

— По-моему, ты имеешь веские основания предполагать, что она скрывается! — произнес Филипп, стараясь скрыть эффект, который произвели на него слова Грегсона.

Художник буквально не находил себе места. Он закурил папиросу, сделал две-три затяжки и тотчас же выбросил недокуренную папиросу за дверь. Вдруг он стал рыться в боковом кармане и вынул из него письмо.

— В общем, вот такая штука получилась! — сказал он. — Ты погляди сюда! В городе я увидел почтальона и, заговорив ему зубы, осведомился, нет ли у него писем для лорда Фитцхьюга. Я показал ему письмо, которое случайно попало к тебе, и заявил, что состою доверенным лицом этого самого треклятого лорда. Мне удалась моя затея, и я получил вот это письмо.

Филипп схватил письмо, которое Грегсон протягивал ему. Его пальцы дрожали, когда он разворачивал лист бумаги, на котором имелась лишь одна строка:

«Не теряйте ни часа. Начинайте сейчас же!»

Больше в письме ничего не было, если не считать большого чернильного пятна под словами. На конверте был тот же самый адрес, что и на письме, которое по ошибке попало к Филиппу. приятели обменялись недоумевающими взглядами.

— Однако, доложу я тебе, получается довольно-таки сложная история! — прервал Грегсон молчание. — Несомненно, что эти слова полны важного значения. Автор письма не сомневается, что оно немедленно попадет по назначению и что «военные действия» начнутся также немедленно. Ведь таков смысл этого загадочного послания! Я хочу указать на то, что интересующая меня девушка попала сюда при весьма странных обстоятельствах. Что же касается ее исчезновения, то оно произошло при еще более таинственных условиях. Но я еще не все сообщил тебе. Самое пикантное заключается в следующем: за два часа до прибытия почтальона с юга какое-то другое лицо осведомлялось о том, нет ли писем на имя лорда Фитцхьюга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.